

Мой Стрежевой

«И до конца, покуда будет биться

 Комок из мышц, по жилам кровь гоня,

Мне Стрежевой ночами будет сниться

 И не отпустит никогда меня».

В. Шаломанов.

Я оказался в Стрежевом благодаря двум случайным встречам. Первая привела меня в Томск, вторая - в Александровский район. Путь в Стрежевой начался с МИФИ, куда повторно пытался поступить в 1964 году. После предыдущей неудачной попытки, я учебный год проучился на физмате педагогического института, закончив его с пятерками по математическим дисциплинам. Это придавало уверенности в своей «подкованности» и я повторно решил пойти в МИФИ, но самоуверенность снова подвела. Выйдя из приемной комиссии, я заметил ряд столов с табличками различных вузов, представители которых подбирали абитуриентов, не добравших нужных баллов для МИФИ. Ближе других оказалась табличка «Томск». Так, благодаря декану физфака ТГУ Жданову, в июле 1964 года я оказался в Томске. Для зачисления на второй курс Физического факультета мне предстояла сдача экзамена по этой дисциплине за первый курс. Физикой я увлекался с 10 класса, учил её по Ландсбергу, участвовал в московских олимпиадах, и поэтому сдал её успешно известному профессору М.А. Большаниной. Моё владение предметом произвело на неё благоприятное впечатление и, поставив пятерку, напутствовала словами: «У вас, молодой человек, может быть хорошее будущее, занимайтесь...».

Однако с начала учебного года мой настрой резко снизился: все в ТГУ по сравнению с МИФИ, от аудиторий до общежитий, оказалось на порядок ниже и выглядело убого. Молодежь, поступившая в ТГУ из сибирских, восточных и южно-азиатских областей на это не обращала внимания, я же «загрустил». Позже понял, что таким переводом, нарушив естественный ход вещей, сел на чужой «поезд». Первокурсников традиционно «вводили» в атмосферу Университета: знакомили с его историей, музеями, лабораториями, ботаническим садом, Научной библиотекой и пр., поэтому психологически они быстро адаптировались в новой среде, я же, поступив на второй курс, оставался в неведении от этой информации. К тому же мне было отказано в общежитии, жил «зайцем», потом нашел частную комнату, в которой уже жило трое таких же ребят. Все это сформировало ощущение «неполноценности» и сказалось на учебе, пропускал занятия, учился уже без заинтересованности, лишь бы не лишиться стипендии и «доползти» до конца. Но, благодаря преподавателям, появился интерес к общественным наукам, увлекся философией, наследием классиков марксизма, развитием этой идеологии в современном мире, организовал дискуссионный клуб на факультете. Мне не давало покоя стремление разобраться, в каком обществе на самом деле я живу. Официальные доказательства, что построен «социализм» и мы вступили в этап строительство «коммунизма» меня не удовлетворяли, ибо в реальной жизни было много противоречившего официальной идеологии. В научной библиотеке никто не мешал копаться в классиках, хотя книг, которые в новой России стали доступны, тогда,

конечно, не было, но было откровенное общение с преподавателями. Иногда казалось, что ответ почти найден, но он расходился с официальными представлениями. Я, как и многие мои сверстники, почти ничего не замечал из того, что торжественно декларировалось с высоких трибун. Вера постепенно трансформировалась в скептицизм. Поэтому, следуя заветам революции, постепенно родилось подспудное желание содействовать приведению действительности в соответствие с наследием классиков. Закончилось это двойкой по философии на государственном экзамене за пересказ своими словами семнадцатого тезиса К. Маркса о Фейербахе. Мне грозила осенняя пересдача. Благодаря содействию заведующего кафедрой философии ТГУ Льва Владимировича Алякринского, с которым сотрудничали по дискуссионному клубу на физфаке, двойку удалось через неделю пересдать на тройку. С этим я и вступил в самостоятельную жизнь. Несмотря на вузовские искания, мне потребовалось почти 50 лет, чтобы, наконец, самому разобраться, в каком обществе мы жили и живем сегодня. Слава Богу, разобрался.

Словом, физика из меня не получилось. Учеба на физфаке завершилась распределением в среднюю школу Молчановского района. Но в это опять вмешался «его величество случай». Перед отъездом я пошел к заведующему Облоно М. Д. Шипулину, в приемной которого познакомился с заведующим отделом (Народного Образования) Александровского района Владимиром Дмитриевичем Колотовкиным, которому, оказалось, нужен учитель физики. Через полчаса я получил новое направление и через два месяца 19 августа 1969 года сошел на речную пристань райцентра села Александровского. На следующий день получил назначение в среднюю школу, её директор Чигишев Георгий Семенович подыскал временное жильё, на следующий день вместе с прибывшими молодыми специалистами я участвовал в моей первой районной учительской конференции.

Директор школы.

Доживи построенная в 1933 году восьмилетка до 2018 года, ей бы исполнилось 85 лет. Не дожила. Построенная в 1974 году новая школа перешла в каменное двухэтажное здание, позже к ней был пристроен ещё один корпус. Сегодня она средняя общеобразовательная школа №6. Вызов в отдел Народного образования по завершению районной учительской конференции был неожиданным, но почему не попробовать? Психологическое состояние «испеченного» на скоростях директора школы было подавленное, я недоумевал, почему выбор районного начальства остановился на мне. Позже понял, что оставшемуся без директора учительскому коллективу требовался кто-то, кто их избавит от хозяйственных проблем. Директором до меня был Елунин Александр Андреевич, проработавший в этой должности более десяти лет, умиравший от рака. Он и стал первым советчиком: «Тебе не надо командовать, это делает завуч, она опытный специалист, займись подготовкой к зиме, запасись дровами, но постарайся подключить теплотрассу школы и интерната к котельной СУ-2 и постепенно вникай в учебный процесс». Этим и занялся и делал, что советовала и предлагала завуч Евлалия Васильевна Вахтерова, жена одного из главных специалистов расположившейся на краю села Александровской Конторы Бурения – АКБ. С чувством благодарности вспоминаю коллег Осыховскую В.И, Носову И.В., Мергер В. И., Аксенову Г.А., Прошину Нину Дмитриевну и Андрееву Валентину Александровну, словесников Денисовых Геннадия Андреевича и Валентину Павловну – впоследствии секретаря ГК КПСС г. Стрежевого по идеологии.

Денисовы приехали в Стрежевой после окончания Томского Педагогического института годом раньше, то есть в 1968 году, с годовалым сыном. Болевший, но работавший директор школы, сразу обратил внимание на Геннадия Федоровича, как на своего наследника. И действительно, о лучшей кандидатуре и мечтать было незачем. Он по всем данным был достойной кандидатурой. Геннадий родился в 1945 году в деревне Берлинка Зырянского района, там и вырос, с раннего детства привык к крестьянскому труду и, как все деревенские, страстно любил охоту и рыбалку, владел топором, столярным и плотницким ремеслом, был крепок телом и здоровый, высокого роста, красивый. Его почти сразу полюбили ученики и учителя за надежность, общительность и простоту. В 1966 году он в числе первых стройотрядовцев строил будущий город. Зачем было искать лучшую смену заболевшему директору?

Но Геннадий Федорович был не просто страстным охотником и рыбаком – он просто не мог жить без этих промыслов. Он сразу потратил всю первую зарплату и часть подъемных для покупки оружия, запасов и снастей и как только заканчивались занятия он шел на реку или на озера. Уток он добывал сотнями, пойманная рыба еле умещалась в корыто, которое предназначалось для купания моего тезки – годовалого Женьки. Никакое директорство ему не было нужно, ему нужна была только СВОБОДА. Так до конца его светлых дней никому не удалось затащить его в партию и большие начальники. Большим начальником – секретарем горкома КПСС стала его жена Валентина и он годами мужественно переносил связанные с этим неудобства.

Спустя несколько лет мне стало ясно, почему выбор районного начальства остановился на мне. У них создалась почти безвыходная ситуация: приближалась зима, директор на смертном одре, несмотря на угрозы и «упросы» от директорства отказываются даже коммунисты-женщины, Г.Ф. не уговорили, а коллектив требует от районо директора. Так что стал я директором школы только из-за демонического упрямства Г.Ф. Денисова, который ни за что и никому не отдал свою СВОБОДУ в свободные от основной работы часы и дни (несбыточная мечта большинства людей). Не будь он таким или будь на его месте другой, моя судьба сложилась бы иначе. Я же ехал по распределению учителем физики в Александровскую среднюю школу. В сложившейся ситуации парнем, попавшим в их сферу влияния, районные руководители решились «заткнуть» образовавшуюся кадровую «дыру», не думая, справится или нет?

В нашей восьмилетке учились дети и внуки семей, подвергшихся массовому «раскулачиванию» в начале 30-х годов. С войной начался следующий этап заселения спецпереселенцами по национальному признаку: немцами, поляками, эстонцами. Все прожили трудные годы, обживались с большим трудом, хоронили родственников и близких, голодали, мерзли, болели и умирали взрослые и дети. Особенно в самом начале переселений. О советском интернационале легко можно было судить по фамилиям учеников. Вглядываясь в их лица, я любил их всех, даже хулиганистых, часто думал о том, что пройдет полтора десятка лет как они станут взрослыми, обретут профессии, обзаведутся семьями и мне становилось стыдно, что как учитель и преподаватель я (в меру своих очень скромных способностей) даю им столь мало. Не дай бог когда - нибудь кому-то пережить, что пережили их родители, бабульки и деды - невинные советские люди, захваченные безжалостными ветрами нашей истории. Как хорошо, думал, что эти дети почти ничего не знают о пережитом их родителями. Я нечасто встречался с родителями, но всегда бросалась в глаза их прибалтийская культура общения, доброжелательность, ни тени озлобления. Общаясь, я иногда чувствовал себя дикарем, не умеющим сдерживать эмоции. Эти люди, пережившие самые трудные годы и несправедливость Советской власти – злой мачехи, оказались по существу НАСТОЯЩИМИ советскими людьми: честными, работающими, порядочными, терпеливыми и вежливыми, бережно хранившими

родной язык и культурные обычаи, хорошо воспитывающие детей. Не все из них учились хорошо, но никто не отлынивал от школьной трудовой повинности: колоть и складывать дрова, подносить поленицы к печам, таскать воду из колодца, работать на пришкольном огороде, убирать классы и спальные комнаты в интернате и пр. Руководители предприятий и организаций высоко ценили их отцов и матерей как хороших специалистов, ответственных и надежных работников. Ближе других судьба свела с коллегой – директором вечерней школы, этническим немцем Герингером Генрихом Петровичем. После районных мероприятий мы вдвоем часто обсуждали текущую жизнь, касались и давних событий. Качаясь послевоенных лет, он как-то высказал обиду за то, что были весьма неприятные годы: вернувшиеся с войны иногда в озлоблении за свои беды или по пьяни бросали им в лицо слово «фашист», но на официальном уровне никакого гонения к этническим немцам не было. Ну а с 60-х национальностью никто, никого и не при каких обстоятельствах не оскорблял.

Восьмилетняя школа была не единственной в Стрежевом. В рабочем поселка уже работала трехэтажная средняя школа, в которой училось более двухсот учащихся. Была и вечерняя школа, директором которой был потомственный житель Алексей Федорович Выходцев, летописец Стрежевого и будущий почетный Гражданин города. Административно деревня и строящийся поселок считались одним селом, которое управлялось сельсоветом во главе с председателем Деньгиным Владимиром Петровичем, ныне почетным гражданином города. Забот у него было много, но и для меня находил время. Ещё по весне Совет принял решение, обязывающее строительные организации поселка обеспечить сельскую школу дровами, но оно пролежало лето и дождалось исполнителя в моем лице. Большую помощь оказал директор бывшего отделения совхоза, а теперь подсобного хозяйства НГДУ Жданов Григорий Григорьевич, потомственный житель Стрежевого, опытный хозяйственник. Его жена Валентина Ивановна работала учителем в нашей школе. Он и посоветовал самому пойти по руководителям отмеченных в решении руководителей. Познакомиться и попробовать выбить из них дрова, заготовкой которых они никогда не занимались. Раньше это была обязанность родителей учащихся. «Если возникнут трудности, обращайся за помощью в объединенный партком поселка. Секретарь парткома Иван Иванович Рупаков и инструктор Дарьенко Антонина Дмитриевна тебе помогут в общении с руководителями». (Антонина Дмитриевна и было тем легендарным Антоном из книги В. Некрасова «В окопах Сталинграда»).

В общем, с их помощью зиму прожили и на следующий год школьный городок подключили к водяному отоплению; если батареи грели мало, выручали дрова и нормальный учебный процесс обеспечивался. Когда покидал коллектив, во след директору никто не плюнул. А о качестве моей работе как преподавателя можно судить по тому факту, что ни один из моих учеников не избрал физику своей профессией. Увы!

Переход на комсомольскую работу.

Честно говоря, у меня к комсомольскому начальству было предвзятое отношение, как и у большинства советской молодежи. Комсомол давно обюрократился, отделы ЦК ВЛКСМ и секретариат возглавляли 40-летние дяди. За время учебы я встречал комсомольцев с горячими сердцами только в книгах. Но в 67 году мне посчастливилось пожить несколько дней у моего школьного товарища в Дивногорске на строительстве Красноярской ГЭС. Молодой член партии после службы в Армии он работал в горкоме ВЛКСМ этой Всесоюзной комсомольской ударной стройки. Меня поразили люди, город, строящаяся плотина и комсомольские работники – ни тени чванства или превосходства по отношению к простому студенту - формальному комсомольцу. У

них была традиция по субботам вместе ходить в баню, а потом в общежитии попить чайку. Традиция мне пришлась по душе, очарованный происходящим, я произнес тост, что если бы в стране все комсомольские «вожди» были такими, то от заявлений о вступлении в комсомол не было отбоя. На следующий день первый секретарь горкома Георгий Бочаров, впоследствии работник ЦК ВЛКСМ, провел со мной политбеседу.

- Ты должен понять, что Комсомол – это ЖИВОЙ организм, который состоит из ЖИВЫХ людей, а человек может быть здоров, а может и заболеть. Чтобы сохранить здоровье, нужен врач-лидер и здоровая обстановка, которая создается ответственностью за результаты большого общего дела. Где эти факторы имеются, там комсомол в действии, где их нет, там он ещё спит в анабиозе. Знаешь, что это такое?

Эти слова запомнил хорошо, рецепт-то совсем простой: все зависит от нас самих. Дивногорск послужил толчком к тому, что в текущем семестре начал работать дискуссионный клуб по углубленному изучению происходящих в стране процессов. На дворе был 1967 год.

Работая директором, постоянно следил за деятельностью комсомольцев на нашем участке Всесоюзной комсомольской ударной стройки «Освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири» и психологически тянулся к ним. Часто останавливался у Памятного камня на котором зубилом вырублено «Отсюда начинался Нефтеград» и бетонного знака ВЛКСМ, в основание которого была заложена капсула с посланием комсомольцам 2017 года – 100-летнему юбилею Октябрьской революции 1917 года. Рядом с ними возникало ощущение причастности к историческому процессу.

Это был 1972 год, прошло шесть лет с начала строительства будущего города и освоения Советского нефтяного месторождения, о комсомоле Стрежевого уже знала вся страна. Уже широко было известно имя Михаила Худобца – комсорга стройки 66-67 годов, секретаря первого состава Объединенного комитета комсомола Стрежевого, легендарного летописца томской нефти с 1966 года, оператора по исследованию скважин, написавшего замечательные очерки о первооткрывателях «Во власти долга». Они изданы книгой в 2011 году. Членов ВЛКСМ в самом начале было немногим более 120 человек, на слуху были имена активистов и первого состава комитета: Степана Назарчика, Валентину Максимовой, Зою Молчалькиной, Жанны Степановой, Валентина Шаламанова, Н. Бурдыко, Н. Крюкова, Е. Медведева, М. Когана, В. Фишера. Регулярно проводились субботники и воскресники на жизненно-необходимых объектах, разгрузки барж с продовольствием, транспортировка и закладка овощей, открытые заседания объединенного комитета, собрания, чествования памятных дат и организации праздников, конкурсов и спортивных мероприятий, периодические выпуски «комсомольского прожектора», создание комсомольско-молодежных коллективов, Народных дружин по охране порядка в вечерние часы и праздничные дни. Организация комсомольского оперативного отряда, молодежных вечеров и кафе, работа в общежитиях, подшефных классах, организация профучилища и консультативного пункта для заочников, вовлечение молодежи в получение среднего образования. Это было нелегко, учитывая большую загрузку на основных производствах. Мне предстояло тоже заниматься всем этим, чтобы стать равным среди равных, полезным участником славной эпопеи и вносить посильную лепту в общее дело, поэтому, работая вторым, а затем и первым секретарем времени для работы не жалел. Не вылезал из командировок по сельской части района, но в основном по стрежевским комсомольским организациям, был инициативным, общительным, старался любое дело доводить до конца, никому не пакостил, не грубил, нос не задирал. Так и работал. Комсомолу всегда помогали хозяйственные руководители, почти все недавние

комсомольцы, и не встретилось ни одного руководителя предприятия или организации, который бы хоть раз отказал в поддержке комсомолу. Но я забежал несколько вперед. Пора возвратиться к беседе с секретарем райкома Нестеренко Николаем Григорьевичем.

Важно отметить, что в наших краях партийные органы весьма ответственно относились к подбору комсомольских кадров. Организационно-партийные отделы зорко следили, чтобы комитеты комсомола производственных организаций возглавляли молодые коммунисты или кандидаты в члены КПСС, причем это были 25-30-летние главные и ведущие специалисты, начальники отделов, главные инженеры, в общем люди состоявшиеся и перспективные. Работа в комсомоле рассматривалась как необходимая ступень дальнейшей карьеры, как и освобожденная партийная работа. Впоследствии из их числа выросли генеральные директора, секретари и первые секретари районных и городских партийных комитетов, председатели гор и райисполкомов области, ответственные работники обкома КПСС, министры, даже один губернатор. Назову несколько фамилий : Денисова В., В. Калюжный, В. Шафтельский, А. Чистяков, С. Жвачкин (губернатор Томской области с 2010 г.), Г. Жуков, Н. Крюков, Н. Белоусов, Н. Чиковани, А. Гельверт, А. Фрицлер, А. Пузиков, Л. Влесков , А. Русанов, В. Байда. Фамилии Е. Медведев, В. Фишер, М. Худобца, М. Когана, Н. Крюкова, В. Конинина навсегда вписаны в славную комсомольскую историю Стрежевого. Членами комитетов и комсоргами были молодые буровые мастера Н. Бурдыко, В. Процек, П. Ходаковский, Т. Фаттахов, бригадиры комсомольско-молодежных бригад Н. Лебедев и Н. Хоменко. Мой предшественник по должности в райкоме комсомола Владимир Затонский закончил карьеру генерал-лейтенантом КГБ-ФСБ . Словом, партия умела растить кадры.

Беседа была доброжелательной. Конечно, я не мог отказаться от предложения райкома КПСС, поскольку уже был кандидатом партии, никаких вопросов бытового характера не задал, полагая, если на мне остановились, то и мои семейные вопросы продуманы и учитываются. Как же я был наивен!

Секретарская зарплата неожиданно низкой - 130р., вот тебе и рост! С честно заработанными «северными» я потерял больше сотни. Жить пришлось в плохо-отапливаемой и сырой гостинице каждую неделю в разных номерах, а номера была в основном четырехместные и постояльцы часто сменялись. Поэтому, бездомный, досидев в райкоме до самого «не могу», я плелся в гостиницу. Расстояние между райцентром и Стрежевым небольшое, чуть более 50 км. по прямой, но каждый раз после рабочего дня к семье летать не будешь. Это был ноябрь, а квартиру мне выделили в конце июля следующего года. В межсезонье часто случается нелетная погода, поэтому, бывало, и в субботу не улечу, так что девять месяцев приходилось терпеть эти неудобства. Само собой, разумеется, все это время семья жила в основном на зарплату жены.

Хуже было зимой: дни короткие, закончилась рабочая пятница и закончилось лётное время, но очень хочется к семье. Идешь на зимник, ждешь попутку, хорошо, если удастся сесть в кабину. Но чаще наверху под брезентом два часа на морозе. Спуститься на землю помогали попутчики, но переполняла радость, что семья рядом, тепло, в уютной домашней обстановке можно поесть и выпить привезенной водки или вина. Здесь был сухой закон, а в райцентре вино и водка всегда были в свободной продаже. Какое это все же наслаждение спать в своей кровати рядом с женой и дочерью. А впереди еще суббота и воскресенье, «да ну всех к черту – в этот раз улечу в понедельник».

Но где-то половину этих месяцев я по неделям жил и работал в Стрежевском объединенном комитете комсомола, ходил по организациям, знакомился с секретарями, активом, участвовал в запланированных мероприятиях. Надо сказать, что стрежевчане всегда снисходительно и даже немного уничижительно относились к районному начальству, хотя откровенно это не выражалось. Обычная история! Я тоже чувствовал напряженность общения, но вспыхивающие изредка конфликты быстро гасились ко всеобщему удовлетворению, так что обстановка в целом была товарищеской и доброжелательной.

После райкома, я зашел к своему заведующему районо Золотых Василию Анисимовичу. Он уже знал, высказал сожаление и сказал, что, принимая окончательное решение, учитывал, что жене в школах райцентра работы по специальности нет. Печальное известие, но я подумал, что к переезду в райцентр райком с районо что-либо придумают по работе жены и устройства дочери в детсад. Так оно и вышло, но новый учебный год жене пришлось заняться кружковой работой в доме пионеров, небольшие запасы таяли, уже не хватало, денег на покупку дров. Несколько выручили выплаченные нам подъемные.

С вселением в квартиру тоже получилось не совсем ладно. Председатель райисполкома Филатов Николай Федорович в июле (через восемь месяцев) привез меня к типовом двух-квартирном доме, сказав, что «получаешь самую лучшую квартиру», вручил ключи. Качество строительства и отделки, как обычно, наспех, в квартире сыро и холодно, словом, все гораздо хуже прежнего обжитого жилья. Пришла пора освободить директорскую квартиру. С помощью командира студенческого отряда Артура Фрицлера, попутной баржой, спустя пару дней, ранним утром мы выгрузили мой скарб на берегу Оби. Днем выделили машину и с помощью райкомовских товарищей перевезли вещи, но ключ дверь не открывал. Оказалось, заменен замок. Домашние вещи остались на улице под редким дождем. Скоро выяснилось, что эта половинка дома предназначалась главному механику той организации, которая построила этот дом. С горем пополам упростили поставить временно вещи на веранду. К концу дня райисполком вроде решил вопрос, возвращаюсь и вижу: все вещи опять на улице, хозяин квартиры встречает с ружьем. В конечном счете, на следующий день все утряслось. Потом с хозяином, поселившимся в соседнем доме, жили «душа в душу». Я хорошо знал, в каких условиях в Стрежевом семьи с детьми годами жили в балках в «Шанхае», поэтому не имел права быть привередливым. Последнее временное жилище - балок Председатель горисполкома Влесков Леонид Николаевич, работавший с мной в РК ВЛКСМ, снес в 1986 году, через двадцать лет после 1966 года. Большой грех был сетовать, что новая квартира была хуже школьной. Да и «дареному коню в зубы не глядят» - и на том большое спасибо. Я хорошо знал, в каких условиях ещё проживают сотни семей в Стрежевом, которые были бы рады перебраться и в такое жилье.

К тому же было хорошо известно, что у большинства новоселов в нашей стране слезы на глаза накатывались дважды: первый раз от радости, получая ордер на вселение, второй – при вселении, когда видел, что впереди большая работа по приведению квартиры в хорошее состояние: надо менять обои, линолеум, наклеить плитку в ванной, подогнать оконные рамы, заменить двери... Но чтобы это сделать, надо где-то купить или «достать» необходимые материалы. Большинству приходилось откладывать эти работы на десятилетия.

Особенности партийной работы. 1975г. – 1982г.

Представьте себе наши климатические условия.

Северное лето: над 60-й параллелью палящие лучи солнца, полный световой день, высока влажность, пот льет ручьем даже в кабинетах, на промыслах и стройках тем более, влажность воздуха почти 100-процентная, даже легкого ветерка нет, всюду духота, никак не можешь выспаться, нервы натянуты, тело измучено. И все это в круглосуточном окружении миллиардов голодного гнуса – мошки, комаров, мух разных мастей, слепней малых и величиной чуть ли не с половину кулака. А, ведь, необходимо и бурить, и проверять работу скважин, возводить строительные объекты, косить сено, доить коров, когда даже скот ничего не ест, спасаясь в воде от гнуса. За два месяца июнь-июль можно сойти с ума от всего этого. Только в первой декаде августа начинаешь ощущать близкий конец этого кошмара. Осень дождливая, неприветливая и быстропроходящая: по небу бегут свинцовые облака, грозя вылить тонны воды на работающих людей. Холод, мокро и пронизывающий до костей злой ветер.

Коммунальщики, как обычно, не спешат пускать отопление, поэтому в квартирах тоже холод и сырость, в школах, детсадах, больницы и на работе тоже холод и сырость; хорошо тому, у кого топится печка. Зимой немногим легче работать на воздухе, несмотря на сильные морозы, и «удобства» на улице.

*О плюсах. Александровский район приравнен к районам Крайнего Севера. Сразу, как человек приступал к работе, ему к зарплате начислялось 50% поясного коэффициента плюс по 10% за каждый прожитый год. Через пять лет работник получал двойную зарплату. Это бюджетникам, а работающим в производственных отраслях поясной коэффициент устанавливался сразу 70%, а далее по 10% за год до предельного размера 50%. Раз в два года полагался оплачиваемый проезд в отпуск и обратно. Через 20 лет мужчины могли выйти на пенсию в 55, а женщины в 50 лет. Те же, кто проработал назначенный срок на производстве, имел право выхода на пенсию также в 55 лет. Многие приезжали в северный район за два года до наступления пенсионного возраста, чтобы обеспечить повышенную пенсию. Молодежь же ехала, чтобы **добросовестным** трудом ЗАРАБАТЫВАТЬ большие деньги, создавать семьи, укореняться и вырастать профессионально. Таковых было большинство. Среди них был и я.*

В середине 1975 года, успев поработать первым секретарем РКВЛКСМ и заведующим отделом пропаганды РК КПСС, я был избран секретарем РК КПСС по т.н. идеологии. Должен сказать, что свои способности я всегда оценивал весьма скромно. Директором школы, секретарем райкома комсомола и райкома КПСС, секретарем Стрежевского горкома КПСС я становился по стечению обстоятельств. Никакой конкуренции на эти должности не было, наоборот, люди пытались всеми способами отговориться от «почетных» предложений, «ломались» только под угрозой наказания за нарушение партийной дисциплины, затем уходили при первой возможности

Морально политическая атмосфера в коллективах района, как по всему Союзу, определялась социально-экономическими и бытовыми условиями жизни людей, материальными условиями жизни – по Марксу. Нефтяникам полагалось одно снабжение, бюджетников и жителей сел выручало свое хозяйство и магазины Кооперации, в которых цены, естественно, были выше государственных. Ещё с 30-х, с началом Индустриализации в стране стало не хватать для всех советских людей продовольствия и мануфактуры, имеющиеся ресурсы распределяло государство. Москва и столичные города республик снабжалась по первой категории и далее по нисходящей. Село получало то, что оставалось, если оставалось. Чувство несправедливости было высоким,

получалось, что и советских людей «родные партия и правительство» в начале века уже разделили по категориям: первого сорта, второго и т.д. Да, так и было, но как это объяснить матерям - работникам быта, образования, культуры? Особенно в середине 70-х, когда снабжение стало заметно ухудшаться.

Местное население района, приученное советской властью надеяться на себя, жило и выживало самостоятельно, с незапамятных времен хорошо усвоив «что никто не даст нам избавлений ...». У каждого был огородик, картошка и овощи, скотинка, в реке ловилась рыбка, охота давала дичь, леса - ягоду и грибы, ну а соль, сахар да хлеб, крупяные изделия, водка и вино, да и мясо от забоев, продукция местной пищевой промышленности, слава богу, продавались бесперебойно в магазинах местной кооперации. Угрозы голода подобно в годы войны не существовало. Однако местное население считало себя равными с другими советскими людьми, тем более, что с высоких трибун регулярно заверялось, что партия и правительство НЕУКЛОННО заботятся о повышении благосостояния советских людей. Естественно, по всей стране люди считали себя достойными жить не хуже москвичей и жителей областных центров. Томичи, стрележчане, александровцы – тоже, тем более, что ОНИ давали стране нефть, лес, меха и рыбу.

На деле этим заверениям цена была невелика. За все годы строительства и существования Стрележского государства НИКОГДА не могло обеспечить трудящихся северных районов Западной Сибири и их семьи качественными продуктами питания и необходимыми для северов меховыми изделиями и теплой обувью. Даже продуктами и спецодеждой работающих непосредственно на нефтяных и газовых месторождениях, не говоря уже об авиаторах, строителях, работников транспорта и снабжения. Но претензии за несбывшиеся надежды, причем нелицеприятные, открыто шли в адрес партийных и советских органов.

Надо откровенно сказать, что родина-мать была все же злой мачехой нефтяникам Томской области, откупаясь северными надбавками. За первые пять лет горком и хозяйственные и профсоюзные организации много сделали, чтобы на месте обеспечить себя необходимыми продуктами. Была значительно укреплена материальная база пяти совхозов района, построены птичники и теплицы закрытого грунта, молокозаводы, но это все закрывало потребности растущего города не более 30%. В Стрележном долгие годы существовала талонная система на приобретение мясoproдуктов, чего не имели жители других населенных пунктов. Нефтяники, буровики, строители требовали от общественного питания говяжьего мяса, а их в рабочих столовых кормили свиным гуляшом и куриными котлетами. Вопросы реализации выделенных фондов постоянно находились в поле зрения первых руководителей Горкома КПСС и Горисполкома вплоть до 1989 года.

Далее. В Стрележной съезжались люди со всей страны. Народ был сборный, но, отнюдь, не отборный, как об этом заявлял в речах и статьях Ю.К. Лигачев. Подавляющая масса приезжала в надежде заработать хорошие деньги и на «Большой земле» купить квартиру и машину. В среде подавляющей части рабочей молодежи тяга к романтике (запахом тайги) нормально сочеталось с желанием хорошо заработать. Конфликты возникали не из-за того, что стали мало платить, из-за плохой организации труда, которая мешала нормально работать и хорошо зарабатывать. Только вмешательство партийных и профсоюзных органов способствовало нормализации обстановки. Другой мощной силы не существовало.

Партийные, советские и профсоюзные органы устраняли межведомственные барьеры в строительстве промышленных и социальных объектов, осуществляли контроль за созданием благоприятных бытовых условий, продовольственного обеспечения работающих на промыслах и жителей будущего города. Создавали систему охраны общественного порядка, обеспечения медицинским обслуживанием, занимались строительством школ и учреждений культуры, развитие массовых видов спорта, организация борьбы с преступностью и правонарушениями и пр. Словом, старались делать все, чтобы у людей не было ощущения большого отрыва от Большой земли.

Признаюсь, что окунувшись в партийную работу, у меня возникали вопросы, как же живут люди в капстранах без подобного партийного и прочего руководства? Также сеют зерновые, выращивают скот, готовят им корма без привлечения горожан, переживают зимы без рейдов по «проверке подготовки коллективов к зиме», без субботников и воскресников, без авралов, сдают качественно жильё, сами занимаются лыжным и другими видами массового спорта? Как удастся этим «буржуинам» нормально жить без партийного руководства, когда у нас без него, кажется, и трава расти не будет? Если часто задаваться такими вопросами и, не дай бог – озвучить, легко стать диссидентом или антисоветчиком. Поэтому об этом помалкивали, полагая «все свое время», когда-нибудь поймем, а пока надо работать и работать, чтобы решать вопросы насущной жизни.

Вернусь к началу 70-х годов. Четыре руководителя определяют характер развития нового нефтедобывающего района области: Лигачев Ю.К., первый секретарь Томского обкома КПСС, Матвеев М.А., первый секретарь Александровского райкома партии, начальник НПУ Томскнефть» Мержа Н.Ф. и управляющий трестом «Томскгазстрой Муравьев Г.Ф. Стрежевские нефтяники стремятся к первому миллиону добытой нефти. В орбиту развития обкомом втянуты областные организации, руководители которых постоянно наезжают в район. Новый социально-промышленный район области развивался динамично за счет нелегкого самоотверженного труда нефтяников и строителей, транспортников и пр. На счету был каждый работник. Нелегкий труд специалистов и рабочих оплачивался очень хорошо. Многие из них приезжали работать по направлению и распределению, а большинство, повторяю, ехало на «севера», чтобы получать достойную оплату труда, заработать на квартиру, машину, воспользоваться правом на досрочную повышенную пенсию и т.д. Люди стремились материально обеспечить будущую старость за счет здоровья. Никто не завидовал большим заработкам нефтяников, буровиков, строителей, авиаторов, геологов и пр., зная какой ценой они достаются. Естественно, они старались избежать перехода на освобожденную работу в комсомольские, советские, профсоюзные и партийные органы. Зарплата в таком случае становилась в разы меньше, а ответственность больше и жизнь беспокойней. Какой здравомыслящий человек ехал работать на север, чтобы вновь испытывать унижительную нужду в деньгах? Ответ ясен.

У меня же с молодости на первом месте стояли идеальные мотивы. Как большая часть советской молодежи, я был воспитан на примерах героев Октября и Отечественной войны, на романтике Братска, Дивногорска, на советских кинофильмах. На книгах Н. Островского, А. Фадеева, Б. Полевого, К. Симонова, В. Бондарева, В. Астафьева, В. Быкова, а об огромном духовном влиянии на нас поэзии Евтушенко, Рождественского, Вознесенского и др. и говорить нечего. В Стрежевом я, романтик, ощутил «дыхание» новой Индустриализации – освоение природных богатств

Западной Сибири, подобно той, что была в СССР в 30-х годах. О том, как называть общество, в котором мы живем, и каким должен быть «коммунизм», я уже не думал, было некогда. Мне хотелось быть в этой «буче - боевой, кипучей».

Главное, что мне дали 13 лет работы в районе и Стрежевом это то, что я вызревал как личность в здоровой и производительной атмосфере, благодаря примерам старших товарищей научился азам управления и разбираться в людях, оценивать человека по отношению к работе и результатам, а на остальное, как бы смотреть сквозь пальцы. Перед глазами было много ярких примеров партийных и хозяйственных руководителей, секретарей комсомольских и партийных организаций, рабочих, многолетнее тесное общение с которыми сформировало духовные качества, основанные на критериях справедливости, долга и чести.

Примерами отношения к своим обязанностям для многих были секретари райкома КПСС Матвеев М.А., Нестеренко Н.Г., председатель Народного контроля Николай Павлович Мартынов, секретарь парткома Стрежевого Рупаков Иван Иванович, начальник НГДУ Мержа Николай Филиппович, управляющий трестом «Томгазстрой», Геннадий Федорович Муравьев, руководители организаций Гарипов Ф. Г., Е.А. Медведев, А.А. Гильманов, И.Г. Чобит, И. В. Цыбасов, Герой труда, начальник Александровской разведочной экспедиции Н.И. Воронков, Нестеров А.А., Герой труда буровой мастер И.Г. Калиничук. Они были опытными руководителями и мудрыми людьми. На их примерах, особенно в период освоения вахского и васюганских месторождений, я понял, цену бремени быть членом партии. Это означало, что ты всецело принадлежишь делу и только ему, а все остальное – жена, дети, отдых, болезнь и пр. – это твое личное дело. Точней разъяснить этот тезис не берусь, но патетики в нем нет, есть только РАБОТА, его можно прочувствовать лишь, очутившись там, тогда и вместе с ними. Я гордился тем, что был с ними в одних партийных рядах.

Должен заметить, что между понятием член КПСС, говорящим о формальной принадлежности к правящей партии, и понятием «коммунист» уже в 70-е в обществе не ставился знак равенства. Уже в 50-х здесь образовалась трещина, которая к концу 80-х выросла до пропасти. Ясность мне внесла тётушка, коренная москвичка, доктор химических наук. Когда я ей сообщил, что вступил в партию, она чистосердечно отреагировала: «Чудной ты какой-то, все знают, что в Москве коммунистов давно нет, одни «партийные», и ты туда же». При этом добавила: «Может только у вас в Сибири коммунисты ещё остались». Да, у нас они оставались и хорошо работали, осуществляя Индустриализацию Севера Западной Сибири через 50 лет после революции. Строили тот социализм, который в средней полосе страны давно был построен.

До этого подобные мысли у меня не возникали, но после, вспоминая ею сказанное, я начал понимать разницу между коммунистом-сибиряком и членом КПСС - москвичом. И стал более внимательно оценивать происходящее в партии и государстве. С понятием КПСС я связывал большевистский период партии и тех коммунистов, которые в Стрежевом были для меня живым примером. А вот обкомовские работники за исключением Е.К. Лигачева и отраслевых отделов скорее производили впечатление партийных чиновников «для поручений», что вполне объяснимо, ибо любой управляющий орган является по внутренней структуре бюрократическим аппаратом, обслуживающим секретарей обкома. Большинство добросовестно выполняло служебные обязанности, но главным желанием для большинства было угодить руководству. Чем

ближе к столице, тем ярче эта черта партийных работников всех уровней бросалась в глаза. И так до работников аппарата ЦК, которые уже напоминали небожителей, чем товарищей по партии, у которых «жизнь вполне удалась». Оказалось, в 90-х, она у них ещё лучше удалась.

Об авантюризме Лигачева

(Авантюра ([фр. aventure](#)) — рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех (по [словарю Ожегова](#)), приключение, опасное по своей природе, сопровождаемое риском неожиданных событий, перипетий и скачков; часто составляет ткань мнимой или реальной истории; авантюризм — поведение, деятельность, характеризующаяся рискованными поступками ради достижения успеха).

Стороной авантюризма является «склонность к рискованным сомнительным предприятиям, к приключениям или действиям». И здесь сомнительные действия всегда тянут за собой и сомнительную репутацию человека, даже скандальную. Здесь все методы хороши для достижения цели. Я рким прмером авантюриста является русский царь Петр первый.

Примеры позитивного авантюризма: Р. Амундсен –полярный исследователь-путешественник, достигший Южного и Северного полюсов. Х. Колумб – великий испанский мореплаватель, открыл Америку и положил начало её исследованию. Т. Норгей – знаменитый покоритель Эвереста, самой большой вершины в мире. В них заложен дух авантюризма, страсть покорять и преодолевать, испытывать потенциал человеческих возможностей. Поразительная смелость, сила воли и уверенность в себе! В России таковым был Столыпин Петр. Это редкие люди, соль земли нашей.

Сегодня я могу сказать, что Социализм в Советском Союзе с самого начала строился авантюрными методами атмосфере «авантюризма» партийных вождей разного уровня – официально это называлось «мудрым партийным руководством». Я убежден, что Ленинский захват государственной власти был АВАНТЮРОЙ, ибо не создал никаких условий для «бурного развития производительных сил России» и за 70 лет существования режима так и не смог НИКОМУ в мире доказать преимущества сталинского социализма. Неимоверными усилиями Сталин осуществил ЗАТРАТНУЮ Индустриализацию страны. Авантюрной была его внутренняя и внешняя политика: то фашизм – главный враг, а с 1939 года Гитлер – лучший союзник. Авантюрой была сталинская Коллективизация – колхозы только относительно решали продовольственную проблему в СССР. Подневольный труд в колхозах СССР очень напоминал «крепостное право» старого режима. Явной авантюрой можно считать Зимнюю войну с Финляндией, заключенный с Гитлером сталинский Пакт о ненападении и аннексию прибалтийских стран. Пакт и Договор о Дружбе с Германией не избавили советский народ от гибели 27 миллионов человек. Освоение целинных и залежных земель и ликвидация личных подсобных хозяйств людей, создание им угрозы третьей мировой войны в 1962 году были ЯРКИМ проявлением УЖЕ хрущевского авантюризма. Относительные успехи всегда достигались путем ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЯ творческих и физических сил советского народа.

Брежневской авантюрой мог стать переброс водных ресурсов Северных широт южным республикам. Слава Богу, не срослось. Авантюризм умирающего Брежнева проявился в вводе Советских войск в Афганистан, конечно, «ограниченного контингента». Казалось, что в загашнике был и неограниченный контингент. Авантюризм Андропов заключался в наведении трудовой дисциплины в стране массовыми облавами, унижающими советского человека; Лигачев затеял тотальную борьбу с пьянством, восстановив против себя население и партию; Горбачев начал перестройку экономики, игнорируя необходимость перестройки в КПСС (поменял местами причину и следствие); Ельцин развязал смертоубийственную войну русских с чеченским

народом, позволил остепененным теоретикам – предателям отпустить цены и провести хищническую приватизацию, которая добила экономику и ухудшила социально – экономические условия жизни миллионов, обрекая их на голодную смерть в нищете.

Авантюризм Лигачева за годы работы в Томской области был СОЗИДАТЕЛЬНЫМ. Не знаю никакой другой личности, которой было бы по плечу, такое развитие области.

Стиль работы – «за ценой не постоим» - был органически присущим сталинским кадрам, а Юрий Кузьмич 1920 года рождения, возвращенный в сталинском духе, не мог НЕ быть носителем и выразителем сталинских методов и стиля работы. Я считаю от сталинизма им взято ЛУЧШЕЕ, что в нем было: смелость, решительность, волю, энергию. Результаты бурной деятельности давались нелегко, он впоследствии признавался: «Дней трудных было много, но в тягость – ни одного». Нетрудно представить, что чувствовал Лигачев, приехав в Стрежевой в 1966 году накануне зимы. Он увидел последствия своего решения: зима на носу, а поселок к ней не готов. Вот свидетельство Михаила Худобца в книге «Во власти долга».

« Стрежевой 1966 год. Самое начало. Начиная с середины сентября и весь октябрь, повестки заседаний объединенных партийного и комсомольского комитетов пестрели вопросами о ходе строительства бани, пекарни, столовой, детсада, общежития, овощехранилища. Уже в октябре заморозки сурово напоминали о скором наступлении зимы. В самый критический момент комитет комсомола стройки направляет тревожную телеграмму о помощи – СОС. Получив, обком партии принимает запоздалое решение о проведении собрания партхозактива в Стрежевом с повесткой «О состоянии государственной и партийной дисциплины в нефтяных и строительных организациях поселка». Накануне собрания Лигачев привычно в течение дня с областными начальниками объехал все объекты. Под конец решил заглянуть в балок, где жил его посланник - секретарь объединенного парткома Юрий Ларинцев, ранее работавший первым секретарем Томского городского комитета ВЛКСМ.

«Проследовали на улицу Солнечную, зашли в вагончик. Дома была моя жена – вспоминает Михаил. Лигачев внимательно рассмотрел, покивал головой и спрашивает: « А детишкам на верхних сетках не опасно спать?» – женщина стусевалась, а Ларинцев пояснил, что на верхней сетке спят Люба с Михаилом, комсоргом. Но скоро мы расселимся»... Секретарь парткома действительно скоро выселился в коттедж «Кулацкого поселка», а «худобцы» ещё два года жили в вагончике».

Что должен был чувствовать в своей душе Лигачев, если он понимал ответственность за то, что загнал в болота тысячи людей, обрекая их на тяжелейшие условия существования? Какая сила Духа была в нем, если он верил, что все трудности будут преодолены и - «ГОРОД БУДЕТ». И будет НЕФТЬ и область будет развиваться за счет нефтяников.

Зрелый руководитель в сталинские годы мог быть только таким - волевым, с психологией позитивного авантюриста. В данном случае это пошло на пользу Родине, авторитету партийных органов, обкому и трудящимся Томской области. Это же хорошо?

Я много раз удивлялся, как Лигачев умел **разрешать** сложные проблемы в развитие северных районов томской области. Сколько раз возникал, казалось бы, тупик: ну не идет дело, прилетает первый секретарь вместе с зав. отделами обкома, смежниками, обязательно с журналистами областной газеты, не ругается, не грозит, походит, поговорит, вроде как советуется, затем

договариваются со всеми о работе и сроках, контроле и довольные разлетаются. В итоге все получается.

Волшебной палочки у Лигачева явно не было, ресурсов тоже не много, но у него получалось заставить людей работать так, что проблемы (казалось-бы уже тупиковыми) начинали решаться. А, главное, сами люди начинали верить в то, что это в их силах. Выступление Лигачева можно было назвать «ни шагу назад», так его и называли. В скорости загорелось электричество, заработала баня. В подготовку объектов для жизни и работы в первую зиму окунулись все. ПЕРЕЗИМОВАЛИ! Впереди было ещё много трудностей, ибо росли масштабы строительства и населения». Но, ведь, ВЫСТОЯЛИ, ПЕРЕЖИЛИ и ПОБЕДИЛИ! А так ли были необходимы такие жертвы для добычи первого миллиона тонн сырой нефти на севере Томской области, когда в 100 километрах от Стрежевого шло освоение Самоотлорского месторождения.

Да, были необходимы.

Дело в том, что снабжение Стрежевого почти полностью шло из Нижне-Вартовска, где уже функционировала железная дорога, доставлявшая грузы на Тюменский Север. Десятки тысяч тонн производственных грузов и продовольствия доставлялись оттуда в Стрежевой по зимнику, летом по Оби, работала и паромная переправа через речку Вах, обеспечивающая грузоперевозки. Из Томска по Оби в основном приходил лес, гравий, картофель и овощи на зимнюю заготовку.

О работе с В.И. Зоркальцевым.

Сформировавшиеся нравственные ориентиры позволили не сломаться и пережить роковые 90-е, запрет КПСС, развал СССР, всемирный позор России и умопомрачение нашего, в прошлом великого, народа. Утешало то, что за плечами 20 лет содержательной жизни, за которую не стыдно; не врал, не лукавил, не подличал и жизнь никому не испортил, не предавал. Правда, недавно мой старый комсомольский товарищ в Одноклассниках обвинил меня в предательстве первого секретаря Томского обкома КПСС В.И. Зоркальцева в годы перестройки. Под его руководством я работал четыре года в Стрежевом, требовательность была такая, что порой было просто невыносимо, но мы, работники аппарата горкома КПСС, в конечном счете, от неё только окрепли. Растил он нас, конечно, не для того, чтобы мы ему говорили «чего желаете». Несмотря на то, что он и освободил меня от обязанностей заведующего отделом обкома, куда сам рекомендовал в 1985 году, я продолжаю чтить его в моей памяти как второго отца. Виктор Ильич воспитал меня тем, кто я и сегодня есть. Ю.К. Лигачев, по справедливости, оценивал его работу выше многих секретарей партийных организаций области, поэтому его карьера развивалась в 80-е годы заслуженно стремительно. Не стесняясь, я неоднократно говорил и писал, что служил ему как «верный пес», но не тот, который, виляя хвостом «тапочки носит хозяину», а который исполняет свой нелегкий долг.

За год объем строительства жилых домов вырос с 20 до 40 тыс. кв. метров, что позволяло надеется, что в обозримом будущем люди, проживающие во временных строениях, будут расселены, что и произошло в 1986 году. Объемы ввода жилья росли и далее, как и метраж пробуренных нефтяных скважин, добыча нефти, ввод и обустройство новых месторождений, вахтовых поселков, центров общественно-политической работы. Создавались отряды заготовки кормов для животноводства, строились тепличный комбинат, аэропорт и т.д. - все развивалось, вплоть до «ненаглядной» агитации. При этом постоянно ощущали поддержку, внимание и

контроль обкома партии. Работали напряженно все, лично у меня до сих пор сохранилось ощущение семьи единой, близкое к тому, когда «один за всех и все за одного».

А кроме того нам приходилось сопровождать и «влюбить» в город томских нефтяников направленных в Стрежевой обкомом КПСС корреспондентов, артистов, писателей, работников центральных органов и пр., которых надо было угощать, одаривать сувенирами за свой счет, привечать, развлекать... Эту ляжку тянули все работники горкома, что делало эту повинность терпимой, хотя иной раз нервы сдавали.

Помню, как В.И. был взбешен тем, как я глядел на писателя, который в надежде заработать, предложил написать книгу о нефтяниках томской области и почти месяц жил в Стрежевом на всем готовом. И за это время он не отставал от меня, в том числе и по воскресениям. Как только дверь кабинета за гостем закрылась, он буквально с бешенством зашипел: «Как ты глядишь на него?? Ты что себе позволяешь?? Да ты понимаешь, кто его к нам послал?»

Я формально признал свою вину, извинился. Просто нервы не выдержали общения с этим литератором, да и денег уже не было, чтобы его поить. Кстати, на ублажение гостей нам никто сумм не давал. Всех гостей поили на свою зарплату, как и сам Зоркальцев. Последующие секретари Гарипов Ф.Г. и Влесков Л.Н. также приносили женам не больше половины зарплаты, которая была совсем не большая.

Оклад первого в начале 80-х годов был 300 рублей, с коэффициентом и северными надбавками через пять лет – 600. Деньги приличные для Томска, а по зарплатам нефтяников, буровиков, строителей и авиаторов весьма и весьма скромные.

Годы совместной работы с ним в Стрежевском ГК КПСС были лучшими годами моей жизни. Он приучал каждого работника аппарата горкома быть организатором порученного дела, результат которого зависел от согласованных действий разных организаций, а не «винтиком» для разовых поручений, хотя и этого в текущей работе не избежать. При нем резко возросли объемы жилищного строительства, пущены в строй сельскохозяйственные объекты, снабжавшие город молочными продуктами, яйцом и овощами закрытого грунта, сформировались принципы освоения отдаленных месторождений и возведения вахтовых поселков. За короткий срок его авторитет и горкома КПСС укрепился среди руководителей организаций Стрежевого и Александровского района. Горком КПСС не был «контролером» над всеми, а был организатором совместной работы руководителей коллективов Стрежевого, который в трудных условиях всегда подставит плечо. За неудачи и проступки жизнь никому не ломали, человек всегда получал шанс, чтобы исправиться. Но когда председатель горисполкома, поддавшись соблазну, купил «Волгу» в обход существующих правил, используя своего водителя, он лишился должности. Оставаясь скромным и порядочным человеком, В.И. не прощал шкурничества, формального и поверхностного отношения к работе, оставаясь примером ответственного отношения к партийным обязанностям. Так он и нас воспитывал. Люди все не без недостатков, были они и у него, но выше писал, что в Стрежевом я научился уважать и ценить руководителей по результатам, поэтому «недостатки» у тех, с кем работал, старался не замечать. Многие работники, пройдя его школу, в последствие стали руководителями крупных коллективов, секретарями партийных комитетов, председателями гор-райисполкомов, работниками обкома КПСС и областных учреждений. Среди них известные люди: Л. Влесков, В. Мангазеев, А. Гельверт, В. Денисова, А. Чистяков, Н. Белоусов и

многие другие. Это главное! А город и сегодня по праву считается жемчужиной области и я, подолгу рассматривая его фотографии, горжусь тем, что в нем скрыта маленькая доля моего труда и капелька моего пота.

Я уже писал, что в 70-х годах партийным и советским работникам на местах было нелегко. В стране вводилось нормирование мясопродуктов и нам приходилось и объясняться и настраивать людей на производство продуктов сельского хозяйства на месте, говоря, что из Москвы их нам точно не привезут. Обком делал все, чтобы решать на месте продовольственную проблему, но положение оставалось напряженным. Мы понимали, что страна катиться вниз. Должен сказать, «коллективная мудрость» ЦК КПСС и Политбюро и самого Генерального секретаря давно стали для нас чем-то вроде звезд на небе, по которым сверяют координаты, никакого отношения к повседневной жизни на земле это не имеет. На этом я и строил свою агитацию и пропаганду как секретарь по идеологии, делая акценты на реализацию собственных усилий на местах для решения возникших проблем. К слову, секретарей районных и городских уровней никто и никогда до идеологических вопросов не допускал; их обязанности сводились к социально - культурно и бытовому обеспечению народно-хозяйственных задач, что горком с помощью обкома и облисполкома делал в целом успешно, а откровенность нашу люди всегда ценили, и массовых проявлений недовольства не возникало. Авторитет партийных органов при Зоркальцеве был очень высок, таким он и оставался до Перестройки.

Когда в 1986 году Виктор Ильич был избран первым секретарем Томского обкома КПСС, то я был, пожалуй, единственным в аппарате обкома, кто откровенно этому радовался, будучи уверенным, что теперь-то для формалистов и партийных бюрократов наступят трудные времена. Многие из них, зная его характер и стиль работы, не в шутку забеспокоились. Он всех заставил работать и результаты не задержались сказаться. Период его руководства областью был очень продуктивным, об этом можно судить по статистике тех лет. Но началась горбачевская «перестройка», положившая начало безответственным разрушительным процессам, и существовавшая система управления стала разрушаться. Политбюро ЦК как бы специально решило дискредитировать региональные партийные органы нововведениями, разрушающими существовавшие производственные и общественные отношения, особенно т.н. компанией борьбы с пьянством, от которой обогатились цыгане, спекулянты и набрал силу криминал, а КПСС окончательно лишилась доверия у большинства народа. Авторитет партийных органов таял на глазах. В обществе, зомбированном Горбачевым, усиливалась критика партийных органов, как «тормозов» перестройки. К сожалению, некоторые партийные комитеты своими неуклюжими действиями давали поводы для критики. Это относится и к Томскому обкому КПСС. Отраслевые отделы упразднялись, коллеги уходили на производство, а я (будь, что будет) оставался на горящем месте заведующего отделом пропаганды и не считал возможным по моральным соображениям бросить моего наставника. Многие тогда стали «линять» из обкома, кто в производство, кто на учебу. Я же не мог проситься перейти на другую работу, считая это предательством, и решил оставаться до конца на тонущем корабле, поэтому открыто высказывал предложения, которые, по моему мнению, лишали разбушевавшуюся «демократическую» стихию дополнительных аргументов для критики в наш адрес. Я и сегодня озадачен деятельностью

секретариата обкома КПСС в те сумбурные годы; она, как подтвердило время, носила во многом самоубийственный характер. Секретариат обкома нервничал, аппарат был растерян. За окнами партийных комитетов демократическая пена пучилась, а вина за это ложилась на отделы пропаганды и агитации, они стали «козлами отпущения». Оно и понятно: идеологи партии уже не соответствовали новой общественно-политической обстановке, традиционные накатанные приемы работы уже никого не удовлетворяли, а нового ЦК КПСС ничего дать не мог. Я тоже, естественно, стал в аппарате изгоем. Ничего тут не поделаешь: должность заведующего отделом всегда существовала для заклания, а все недостатки в партии априори объяснялись упущениями в идеологической работе. Однако и последовавшие преобразования в аппарате обкома положительных изменений, как известно, не принесли.

В ходе его реформ авторитет партии стремительно падал, нарастала численность покидавших её ряды по идейным, мотивам, но больше по «шкурным». Бежали из партии руководители предприятий, работники КГБ, милиции, прокуратуры и т.п. Её ряды сокращались буквально с каждым днем. Получалось, что в печальных прогнозах я был прав, но это меня не радовало. Понимая бесперспективность ситуации, я все же не покидал «тонущего корабля», надеясь, что вот-вот все изменится. Поэтому в 90-м году, на закате, дал согласие баллотироваться первым секретарем Кировского райкома КПСС. Голосование за меня на партийной конференции было отнюдь не единогласное, но я не дрогнул. Рядом были достойные люди. Однако, время работало против нас, а до ГКЧП оставалось 10 месяцев.

Упорство, с которым обком шел навстречу к политическому самоубийству, отталкивало здравомыслящих членов партии и люди стали выходить из рядов КПСС. В итоге, борьба мнений завершилась поражением всей областной организации, и если в Новосибирске коммунистам удалось сохранить лидирующие позиции до сегодняшних дней, то наши уже тогда их утратили, но, считаю, только по вине первого секретаря, с других взять было нечего. А теперь вернусь к вопросу о предательстве. Вспомним историю партии: справедливо ли обвинять Бухарина в предательстве Сталина? а Сталина в предательстве Революции? а Троцкий кого предал? а кого предавали большевики «ленинской гвардии» в 1937 году? А кого предали Маленков и пр. в 1957 году? кого предал Брежнев в 1964-том? А как назвать тех, кто проложил путь Горбачеву и Ельцину? Конечно, говорить о предательстве не корректно, ибо мотивы поступков этих членов партии определялись взглядами на развитие страны. И, тем не менее, я нахожу справедливым предупреждение Сталина, что «ЧК должна быть беспощадна к тем, кто вольно или невольно дал врагу шанс на победу». По этой логике мы все, бывшие члены КПСС, заслуживаем высшей меры наказания за то, что «вольно или невольно» каждый из нас поспособствовал тому, что сегодня имеем. И уж совсем необъяснимо, почему генеральный секретарь ЦК КПСС, совершивший невиданное в истории предательство своего народа, до сих пор благополучно доживает свои дни!? Разум отказывается понимать это, но шизофреническая действительность именно такова.

В 90-х мы детским неразумием разрушили государство, созданное трудом, потом и кровью многими поколениями русского народа, имевшее колоссальный промышленный, социальный и духовный потенциал не только для внутреннего, но и для мирового развития. Сегодня Россия, как шагреновая кожа, сужается до границ Московского государства времен Ивана Грозного, её так и не впустили в «европейский дом» и уже не пустят. На индустриальных и духовных развалинах советского государства возникла новая, более расточительная цивилизация.

В советском обществе были проблемы, связанные с развитием, а проблемы этой цивилизации - связаны с реальной угрозой её исчезновения и вот почему: утрачен ДУХ нации, готовность к самопожертвованию во имя Родины. В той системе мне хотелось быть, «как все», то есть честно и добросовестно трудиться, уверенно смотреть в будущее; сегодня же – каждый сам за себя, а главной целью является личный успех, семейный достаток. И в этом смысл жизни? Российское государство неосмотрительно потеряло надежных союзников и авторитет, как в мире, так и у себя дома, приобрела врагов даже среди бывших «братских народов». В той цивилизации нам позволялась солидарность с миллионами угнетаемыми империализмом народами, в этой только с Сирией!? Доступность образования, здравоохранения, культурных ценностей сегодня имеет декларативный характер, все уже сделано для того, чтобы люди реже общались друг с другом. Живая общественная жизнь сведена к ритуальным мероприятиям, реформы дискредитированы самой властью. Таким как я нет места в этой смердящей цивилизации, в которой деньги – главное. Согласно теории этногенеза Л. Гумилева сегодняшняя Россия представляется мне мемориальной фазой тысячелетней истории великорусской цивилизации. С оптимизмом ученого он назвал свое исследование рождения и отмирания этносов «Конец и вновь начало», однако применительно к сегодняшней России конец её, какая она сегодня есть, я вижу, в нем доживаю, но вот убедительных признаков «НАЧАЛА» нового КАЧЕСТВА людей и жизни пока не заметно. Я не ошибаюсь. Какие люди – такое и государство. Будущее любого государства зависит от развития ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ сил и ТРУДОВОЙ и МОРАЛЬНОЙ ЭТИКИ народа. У каждого народа она своя, столетиями сложившаяся, стоит разрушить её и не будет этого народа. Будет другой, но не этот. Это как в сегодняшней России – разве сегодняшний народ можно сравнивать с народом царской или советской России?

Е. Дмитриев, сентябрь 2018г.

Послужной список автора:

Директор 8-летней школы р.п. Стрежевой, 1969-1972гг

Работа в комсомоле. Секретарь райкома ВЛКСМ, 1972 -1975 гг

-Секретарь Александровского райкома и Стрежевского горкома КПСС, 1975 по1982гг.

-Зам. Заведующего отделом Оргпартрabоты Обкома КПСС с 1982-1983 гг

-Председатель Колпашевского горисполкома с 1983 по 1985 год

-Зав. Отделом пропаганды Обкома КПСС с 1985 по 1989 год

-Первый секретарь Кировского райкома КПСС г. Томска с 1990 по август 1991 года.

Р.С. Я различаю две "породы" людей: первая, главная, - это те, кто абсолютно самостоятельно ДЕЛАЮТ свою жизнь, то есть ставят цель и добивается её выполнения. Я много видел таких людей, о них и написал, они - соль земли. Вторая порода - это те, кому выпала СУДЬБА плыть, как бы, по течению, быть увлекаемым бурными потоками Реки Жизни. Это – хорошие, ответственные «работяги». Не чиновники, нет, а именно – работяги.

К первой породе относятся большинство тех, о ком я написал. К ним относится и моя жена - Татьяна, с трудом(!) поднявшаяся за 20 лет от инженера до начальника отдела НИИ и завода военной промышленности. У неё характер - мужской, что она решила, то и сделает, ни что и ни кто

её не остановит. Поэтому она не поднялась выше начальника отдела. Я горжусь ею. У меня же женский характер, я готов к компромиссам, а то и отступить, послав (только мысленно) кого-то куда-то. Ничего тут не поделать: мои гены – наследственность матери, отец-то был летчиком-истребителем, решительным человеком, под стать Татьяне. Именно поэтому он «жили душа в душу» и понимали друг-друга с полуслова. Так что я по жизни был, как правило - ВЕДОМЫМ, то есть исполнителем, добросовестным тружеником.

Я оправдываю себя тем, что, не искал легкой жизни, а начал самостоятельную жизнь, уехав "на удачу" из Московской области и оказался на севере Томской области. Я плыл по течению вместе с тысячами таких же романтиков, стараясь делать порученное дело, как можно лучше. Нас – десятки тысяч молодых людей-романтиков – увлекали бурные потоки строительства в отдаленных районах страны НЕПОЗНАВАЕМОГО коммунизма. Нам есть чем гордиться: Усть-Илим, Братск, Дивногорск, Западная Сибирь северных районов Тюменской и Томской областей.

Если-бы вы видели, каким стал этот прекрасный город томских нефтяников Стрежевой! Я перелистываю страницы альбома, изданного в честь его 50-летия, любуюсь его улицами, микрорайонами, березовой рощей на проспекте Нефтяников и т.д. Мне не выбраться туда, слишком дороги билеты. Последний раз я там был в 1990 году. Грустно, конечно, что я там давно забыт, но это пустяки, забыт не только я, но и руководители, которые были значимей меня. Главное, что во всем этом есть капелька и моего труда. Это и греет душу перед смертью. Все же не зря прожил свою жизнь в Томской области. Я счастливый человек!

Е. Дмитриев. 06.07.2021 г.